
RUSSIA AND FOREIGNERS: INTERACTION AND CONFLICTS

DOI 10.15826/qr.2015.2.102

УДК 929.732(470)+910.4(470:4)

Стефан Лер

ВОСПИТАНИЕ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА: ОТ ПРАКТИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ К НАЦИОНАЛЬНЫМ КОРНЯМ КУЛЬТУРЫ (СЕМЕЙСТВА ГОЛИЦЫНЫХ И АПРАКСИНЫХ В 1780–1812 гг.)¹

Stefan Lehr

EDUCATING RUSSIAN ARISTOCRATIC YOUTH: FROM THE GRAND TOUR TO THE DISCOVERY OF NATIONAL ROOTS (THE FAMILIES OF GOLITSYN AND APRAKSIN, 1780–1812)

The author examines education in imperial Russia, referring to the aristocratic family of Golitsyn in the late 18th and early 19th century. The article deals with the significance of education for the members of the Golitsyn family and examines the motivation to obtain it. The author studies the ideals of perfect education and the role of the parents in raising their children. Referring to the Grand Tour of two young Golitsyn princes, he shows proper noble education at work. The article also surveys the role of the Russian language in the process of education. In conclusion, the author examines to what extent the conduct of the Golitsyn family was typical of the Russian aristocracy. The article is mostly based on family correspondence kept in Moscow and Saint Petersburg archives.

Keywords: nobility; aristocracy; education; language; Princes Golitsyn; Nataliya Petrovna Golitsyn; Counts Apraksin; Counts Stroganov.

В статье рассматривается процесс воспитания и образования в царской России на примере аристократической семьи Голицыных в конце XVIII – начале XIX в. Автор отвечает на вопрос о значении и мотивации воспитания в дворянской культуре, показывает систему представлений об идеальном образовании и роль родителей в воспитательном процессе.

¹ Автор выражает благодарность сотрудникам читальных залов РГАДА, РГИА, НИОР РГБ за благожелательное отношение и помощь в работе, а также Е. В. Акельеву, Т. А. Ахполовой, Е. П. Гречаной, С. В. Польскому, В. С. Ржеуцкому за советы и помощь.

На примере образовательного путешествия (*Grand Tour*) двух юных князей Голицыных демонстрируются результаты полученного ими образования. Также в статье уделяется внимание роли родного языка в образовании этой семьи. В заключение автор рассматривает, насколько типичным было поведение Голицыных для высшего русского общества. Статья написана по материалам семейной переписки, находящимся в московских и петербургских архивах.

Ключевые слова: российское дворянство, история воспитания в России, образовательные путешествия, князья Голицыны, Н. П. Голицына, графы Апраксины, графы Строгановы.

«L'éducation est le principal objet» («Образование – это главное»). Эта фраза написана княгиней Натальей Петровной Голицыной, известной личностью конца XVIII – начала XIX в., в письме к зятю, графу Степану Степановичу Апраксину, в 1811 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 5, л. 3–4]². Граф Апраксин, планируя заграничное путешествие для поправки здоровья, хотел взять с собой шестнадцатилетнего сына Владимира, воспитывавшегося в доме княгини Голицыной в Санкт-Петербурге, с целью завершить его образование. Однако княгиня воспротивилась отъезду внука в чужие края для получения образования. В связи с этим возникает вопрос: почему Наталья Петровна, которая сама тридцать лет назад организовала *Grand Tour* с целью образовывать своих детей [Голицына; Шереметев; Петерс; Гречаная, с. 251–271; Gretchanaia] и впоследствии неоднократно гордилась их успехами, полученными благодаря заграничному образованию, теперь весьма негативно восприняла намерение зятя? В предлагаемой статье представлена практика дворянского образования в конце XVIII – начале XIX в. на примере русской аристократической семьи. Это даст возможность проследить и существовавшие традиции, и то, как менялся подход к образованию в дворянской среде. Исследование даже одной семьи дает материал, позволяющий сделать вывод о степени типичности образовательной стратегии семейства Голицыных для высшего русского дворянства.

Поскольку у данной ветви семьи Голицыных³ не было специального руководства по воспитанию и образованию своих детей, в отличие от некоторых других русских аристократических родов (напри-

² Письмо ошибочно находится в единице хранения, обозначенной как письма Н. П. Голицыной к Дмитрию В. Голицыну. Но так как речь идет о шестнадцатилетнем сыне, а два сына Д. В. Голицына родились в 1815 и 1819 гг., это письмо могло быть адресовано только зятю – С. С. Апраксину, что подтверждается письмами Екатерины Вл. Апраксиной (см. письмо Е. В. Апраксиной к Н. П. Голицыной, 10 апреля 1811 [НИОР РГБ, ф. 64, к. 88, ед. хран. 4, л. 22–23]).

³ Владимиром Береловичем написано несколько статей об образовании в семье Голицыных, но о другой ветви этого большого дворянского рода, см.: [Berelowitch, 1993; Берелович, 2004; Berelowitch, 2005, Берелович, 2011].

мер, руководство Ивана Барятинского⁴, образовательные концепты Екатерины Дашковой [Preuß; Witte] или записки Андрея Шувалова об образовании детей, составленные им в форме завещания⁵), тема раскрывается на основе изучения переписки внутри семьи, между наставником и его учениками и их родителями, которая в основном хранится в личном фонде Голицыных «Вязёмы» (по названию поместья) в НИОР РГБ (Москва).

Значение и мотивация процесса образования

В кругах состоятельного русского дворянства в период XVIII–XIX вв. образованию придавалось очень большое значение, и русский аристократ являлся активным и самостоятельным деятелем образовательного процесса. Образование было важно как для будущей государственной службы, так и для светского времяпровождения дворянства. Идеальной карьерой для сыновей в семьях Голицыных и Апраксиных считалась военная служба, и целью их образования была подготовка к этой службе. Таким образом, с одной стороны, мотивацией к получению образования было следование государственному идеалу и воле монарха, которые предписывали дворянину службу «государю и отечеству». С другой стороны, знание культуры и литературы считалось уже неотделимой частью жизни высшего света и повседневной жизни дворянской семьи. И молодые дворяне усваивали эти культурные знания с удовольствием. В начале XIX в. дети Апраксиных, например, принимали активное участие в подготовке домашних театральных и музыкальных представлений.

В воспитании своих детей Голицыны были достаточно самостоятельны, то есть действовали по собственному усмотрению, без учета государственных приоритетов. Императрица Екатерина II в 1787 г. была удивлена, что княгиня Голицына избрала местом для учебы своих детей Страсбург и Париж, и выразила неодобрение тем, «что ради образования покидают страну» [Гречаная, с. 158–159]. Наталья Петровна объяснила, что Париж выбран из-за необходимости поправить здоровье мужа и параллельно осуществлять образование детей⁶. До Французской революции и возвращения Голицыных на родину тогда оставалось еще два с половиной года.

⁴ «Mes idées sur l'éducation de mon fils» («Мои идеи по поводу образования моего сына») – педагогическая статья И. И. Барятинского, 1815 г. [НИОР РГБ, ф. 19 (Барятинские), раздел V, ед. хран. 70]; «Conseils à mon fils aîné 1821» («Советы для моего старшего сына, 1821») – наставления И. И. Барятинского старшему сыну об отношениях к членам семьи и крестьянам и различные хозяйственные советы, 1821 г. [Там же, ед. хран. 72].

⁵ «Mon testament» («Мое завещание»), 1780 г. [РГИА, ф. 1092 (гр. Шуваловы), оп. 1, д. 136].

⁶ Письмо Н. П. Голицыной к Д. П. Салтыковой, 31 января 1788 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 48, л. 7–7 об.].

Идеал образования

Предлагаемое образование должно было быть элитарным и домашним и осуществляться под строгим присмотром семьи. О возможности получения образования в учебных заведениях (даже элитарного типа) среди русского дворянства существовали разные мнения. Многие считали полезным отдавать детей в закрытые учебные заведения, такие как пансионы или кадетские корпуса [Аурова]. В особенности это касалось небогатых дворян. Но княгиня Голицына – как и другие представители высшей аристократии – не раз высказывалась против этого⁷, считая идеалом воспитание детей дома, в семье, с помощью одного главного гувернера и прочих учителей. Она боялась возможных негативных и опасных влияний на детей, если те не будут находиться под присмотром семьи. Этой традиции воспитания Голицыны придерживались и в дальнейшем.

Grand Tour с образовательными целями был предпринят Голицынами в 80-х гг. XVIII в. Образцом для княгини Голицыной послужили путешествия других дворянских семей. Она ставила в пример своим детям сына Екатерины Дашковой – Павла, который как раз в это время вернулся в Россию из Великобритании после учебы в Эдинбургском университете и заслужил по приезду всеобщую похвалу за хорошие знания и примерное светское поведение⁸. Причинами, по которым Наталья Петровна отвергла желание зятя Апраксина взять с собой за границу в

⁷ Письмо Н. П. Голицыной к Петру Васильевичу Мятлеву, 6 октября 1810 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 41, л. 12–13].

⁸ «J'ai a vous communiquer mon cher enfant que nous avons a Petersbourg un jeune homme de 19-ans nouvellement arrivé qui est le Prince Dachehoff qui a fait ses études dans les pays étrangers sous la direction de sa mere, je vous avoue mon enfant que plus on le connois, et plus il paroît aimable, je ne puis vous caché que toute les fois que je le vois, je me dis a moi meme que je serez heureuse si mon cher ami Baris pouvois le ressembler; il est parti d'ici justeman a l'age ou vous est, il a fais ses premieres études en Irlande pres d'une université qu'on y dit tres bonne. C'est un jeune homme qui a eu l'approbation en général de tous le monde, parlant le françois, langlois, l'almane, le latin et le Russe parfaitement bien, beaucoup d'acquis beaucoup de talan, et un jeune homme de grand monde ce presantant parfaitement bien, on trouve de la satisfaction a l'entendre parlé, il dance a ravir et joue dememe de plusieurs instruman. Je me flate mon cher ami de trouvé en vous la meme satisfaction, vous m'avez avivé d'esperance toute ma satisfaction ne gite que dans l'idée de croire que vous continuerez vos études avec la meme ardeur et j'ose me persuadé de la reussite » (здесь и далее переписка цитируется с сохранением орфографии оригинала; перевод с французского – автора статьи. – Прим. ред.) («Я сообщала Вам, мое дорогое дитя, о том, что в Петербург недавно приехал молодой человек девятнадцати лет – князь Дашков, учившийся в чужих краях под руководством своей матери. Признаюсь, дитя мое, что чем больше мы узнаем его, тем больше он кажется приятен. Не скрою, что каждый раз, когда вижу его, я говорю себе, что буду счастлива, если мой дорогой друг Борис будет похож на него. Он уехал отсюда в том же возрасте, что и Вы, и начал учиться в Ирландии в университете, очень хорошо, как говорят. Этот молодой человек, снискавший всеобщее одобрение, говорит по-французски, по-английски, по-немецки, по-латински и по-русски в совершенстве, обладает многими познаниями и талантами, этот юноша имеет светский лоск, слушать, как он говорит, одно удовольствие, он восхитительно танцует и столь же прелестно играет на нескольких инструментах. Я лещу себя надеждами, что Вы доставите мне такое же удовлетворение. Вы возродили мою надежду. Все мое удовольствие состоит в том, чтобы быть уверенной, что Вы продолжите обучение с прежней горячностью, и я убеждена в Вашем успехе») (письмо Н. П. Голицыной к Б. В. Голицыну, 30 июля 1782 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 4, л. 1–4]. См. также: [Гречаная, с. 321–322]).

1811 г. сына для совершенствования его образования, были – согласно ее представлениям – как неустойчивая и опасная ситуация в большей части Европы⁹, так и слишком молодой возраст шестнадцатилетнего графа. При этом собственных сыновей она отправляла в европейское образовательное путешествие в еще более юном возрасте: Борису было 13, а Дмитрию 11 лет. Социальные контакты в первые годы пребывания их в Страсбурге были ограничены. В доме, в котором Голицыны жили на втором этаже, первый этаж занимали дети российского посла в Варшаве Штакельберга, тоже находившиеся в Страсбурге для учебы. Они предложили Голицыным столоваться вместе, тем более что и те и другие пользовались услугами одного повара. Однако гувернер Оливье, опекавший молодых князей, отверг это предложение, в частности по той причине, чтобы дети не отвлекались от занятий¹⁰, так как Наталья Петровна написала сыну Борису: «...vous etes a Strasbourg uniquement pour étudier, le moins de connaissances que vous ferai sera le mieu...»¹¹.

Роль родителей

Особенностью семейства Голицыных являлось то, что воспитание детей входило прежде всего в компетенцию матери – Натальи Петровны. Исходя из примера других дворянских семей, можно утверждать, что обычно за воспитанием детей, в особенности сыновей, в гораздо большей степени следили отцы. В то время как в других дворянских семьях зачастую оба родителя вели переписку со своими детьми, у Голицыных отец Владимир Борисович в переписке участвует только в связи с поздравлениями. Мать объясняла это детям леностью отца¹². Так что корреспонденция между гувернером и Голицыными происходила исключительно через Наталью Петровну.

Гувернеры

Правильный выбор гувернера был самым важным решением для дворянских семей¹³. Этот вопрос обсуждался на семейном совете.

⁹ «...Dans un pays au milieu du monde ou les esprits et tout en général et bouleversé » («...В этой стране среди людей света, где не только дух, но все в целом потрясено») (письмо Н. П. Голицыной к С. С. Апраксину, 26 января 1811 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 5, л. 3–4]).

¹⁰ Письмо Оливье к Н. П. Голицыной, 6. д. [1782]. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 82, ед. хран. 35, л. 9–10].

¹¹ «...вы находитесь в Страсбурге исключительно для обучения, чем меньше у вас будет знакомств, тем лучше...» (письмо Н. П. Голицыной к Б. В. Голицыну, 22 октября 1782 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 3, л. 9–9 об.]). В том же самом письме она пишет: «Mon cher Baris d'avoir le moins que vous pourrez des liaisons avec des jeunes gens, leur connoissances ne peut vous etre d'aucune utilité...» («Мой дорогой Борис, менее всего Вам стоит заводить связи с молодыми людьми, знакомство с ними не принесет Вам никакой пользы...»).

¹² Письмо Н. П. Голицыной к Б. В. Голицыну, 30 июля 1782 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 83, ед. хран. 4, л. 1–4].

¹³ О гувернерах см.: [Берелович, 2011; Rjéoutski, 2013b].

Гувернеров принимали на основе рекомендаций. От кандидата прежде всего требовалось хорошее знание французского языка. Поэтому большинство гувернеров, работавших в семействе Голицыных, были французами либо швейцарцами. Важно было и хорошее общее образование. Внешность также влияла на решение о приеме гувернера на службу. Действительные его знания обычно проверялись в процессе беседы, что, конечно, являлось довольно поверхностным способом. У гувернанток, выбираемых для девочек, больше ценились способности в пении и рисовании.

Гувернеры и гувернантки жили вместе с дворянской семьей. В роду Голицыных и Апраксиных между господами и гувернерами складывались довольно тесные отношения, зачастую продолжавшиеся и после завершения обучения детей.

Гувернер, проводя занятия с детьми, был сравнительно свободен в выборе методов обучения.

Гендерный аспект: различное образование для сыновей и дочерей

Воспитание и образование сыновей и дочерей значительно различалось, так же как и в других странах Европы того времени¹⁴. Образование имело большое значение для мальчиков ввиду предполагаемой служебной карьеры, и вся семья в первую очередь была озабочена этим. Но и для девочек Голицыны и Апраксины нанимали франкоязычных гувернанток, которые обучали их языкам, письму, рисованию и пению. С дочерьми Дмитрия Владимировича и Татьяны Васильевны Голицыных проводились и разные другие занятия (например, по грамматике и географии). Уроки были частными, учитель приходил к детям. Из писем девушек к родителям видно, что их учебные занятия были короче, и у них оставалось больше времени для развлечений, чем у братьев.

Предмет образования

Молодые князья Борис и Дмитрий поступили в 1782 г. в Страсбургский университет только номинально¹⁵. Фактически они не посещали лекции, как обычные студенты, а получали только частные уроки. Благодаря записанным темам занятий становится ясно, что их готовили прежде всего к военной карьере, так как преподавались фортификация и математические дисциплины. Кроме того, братья изучали различные иностранные языки, приобретали навыки в таких важных в то время для дворян занятиях, как танцы, фехтование

¹⁴ О воспитании и образовании женщин в России см.: [Pushkareva; Rjéoutski, 2015; Black].

¹⁵ О русских в Страсбурге см.: [Stremooukhoff; Vöss; Baudin].

и музицирование. Еще в Петербурге губернёр Мишель Оливье обучал своих воспитанников языкам и математике, а учитель немецкого языка Циммерман давал им дополнительно уроки латыни¹⁶. Тогда же у них были занятия и по английскому языку¹⁷. В последующие годы князь продолжали эти упражнения. Еще перед отъездом в Страсбург князь Борис сообщал родителям и сестре о том, что прочел труды различных авторов по истории Древнего Рима и Египта¹⁸. Впоследствии молодой князь также много читал и иногда рассказывал о прочитанном матери. Своему шуруну Павлу Строганову он позже говорил, что в годы учебы увлекался тем же, что и вся общественность Европы. В парижских салонах это была литература. Во время Французской революции, будучи в Лондоне, он занимался вопросами конституционного развития и государственного устройства в Англии и Франции, прочитал произведения Руссо, Делольма, Монтескье и Блэкстона¹⁹, в Германии он заинтересовался публичным правом, а в Италии увлекся искусством и архитектурой²⁰. Получаемое князем образование было направлено на освоение европейской культуры и литературы, прежде всего на французском, а также на английском и немецком языках. Очевидно, что изучение иностранных языков – ведь кроме французского изучали немецкий, английский, итальянский и латынь – занимало в семье Голицыных важное место.

Владение различными языками не было особой редкостью в русских высших дворянских кругах в ту эпоху [Rjéoutski, 2013a]. Тем не менее сравнительно немного семей придавали большое значение глубокому изучению сразу стольких иностранных языков. С другой стороны, уровень знания этих языков у Голицыных не был одинаков. Французский (как литературный, так и язык для светского общения и переписки) знали лучше, чем родной язык. Немецкий в Страсбурге

¹⁶ Письмо Б. В. Голицына к Н. П. Голицыной, б. д. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 94, ед. хран. 29, л. 19–20].

¹⁷ Письмо Б. В. Голицына к Н. П. Голицыной, б. д. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 93, ед. хран. 41, л. 7–8].

¹⁸ Письма Б. В. Голицына к Н. П. Голицыной, б. д.; письма Е. В. Голицына к Б. В. Голицыну, б. д. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 93, ед. хран. 41, л. 30–31, 36; ф. 64, к. 91, ед. хран. 16, л. 2, 4].

¹⁹ В. Ржеуцкий опубликовал неоконченный труд Бориса В. Голицына о влиянии тех или иных событий на формирование конституции («De l'influence des événements sur la formation d'une Constitution») [Ржеуцкий, Чудинов, с. 192–236].

²⁰ « Je me rappelle qu'à Paris pendant un tems la littérature seule faisait le sujet des conversations, et alors je m'en occupais presque exclusivement, dans le tems de la révolution les objets d'administration absorbèrent l'attention publique, et je me mis à lire Rousseau, Delolme, Montesquieu, Blackstone; en Allemagne, pendant le couronnement, je ne m'occupai que du Droit Public... en Italie, des objets relatifs aux arts, et en Angleterre de tout ce qui regardoit leur constitution » («Мне вспоминается, что в Париже в течение некоторого времени одна литература была главной темой для разговоров, а потом, во время революции, мною завладели исключительно вопросы управления, которые целиком поглощали внимание общества, я начал читать Руссо, Делольма, Монтескье, Блэкстона; в Германии во время коронации я занимался публичным правом... в Италии – искусством, а в Англии – всем, что касается их конституции») (письма Б. В. Голицына к П. С. Строганову, 1790 г. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 113, ед. хран. 15, л. 1–2; РГАДА ф. 1278, оп. 1, д. 61, л. 54–55]).

изучали три раза в неделю по одному часу. Так же часто занимались латинским и английским. Но дополнительно пять раз в неделю были часовые занятия по письму по-французски и по-немецки [НИОР РГБ, ф. 64, к. 105, ед. хран. 82, л. 19]. Итальянский изучали во время путешествия по Италии в 1790–1791 гг., но не так интенсивно.

Роль русского языка

Возникает вопрос, занимались ли молодые князья Голицыны русским языком, литературой и русской историей? Борис Голицын интересовался тем, что было связано с Россией. Например, попросил российского посла в Лондоне графа Семена Романовича Воронцова прислать ему карты, книги и документы, имеющие отношение к России. Уже во время пребывания в Париже у Бориса Голицына были книги по истории России на французском и немецком языках²¹. Французский язык был для детей Голицыных первым изучаемым языком, и общение внутри семьи происходило почти исключительно на французском. Прожив полгода в Страсбурге, князь Борис написал матери о своих занятиях языками. Переводить с французского на русский он не мог, так как в недостаточной степени владел русским литературным языком. Он переводил с русского на французский, но без словаря ему было трудно это делать, поэтому он просил мать купить ему русско-французский словарь²².

В переписке княгини Голицыной с ее влиятельным родственником бывшим вице-канцлером Александром Михайловичем Голицыным речь обычно шла почти исключительно о покупках одежды (отделки манжетов и кружев), которые Наталья Петровна охотно делала для него в Париже. Но также она рассказывала про обучение своих детей. Александр Михайлович спрашивал ее, в частности, преподает ли им кто-нибудь русский язык и литературу. Наталья Петровна отвечала, что у них не было подходящего учителя русского языка в Париже, поэтому знания русского языка у ее детей оказались недостаточными. Княгиня полагала, что, вернувшись в Россию, ее дети будут иметь

²¹ Среди личных бумаг Б. В. Голицына имеется список книг по истории России на французском и немецком языках, которые он одалживал профессору Ж.-Ф.-Ж.-М. Ноэлю во время своего парижского пребывания [НИОР РГБ, ф. 64, к. 113, ед. хран. 2, л. 65 (Liste de livres appartenants à M. le Prince de Gallitzin, prêtés à M. Noel professeur au collège de Louis le grand)].

²² «J'ai oublié de vous écrire d'une chose qui m'est absolument nécessaire. C'est de vouloir bien avoir un dictionnaire Russe en François. Il m'est impossible de traduire du François en Russe je ne connois pas assez les idiomes de cette langue c'est pourquoi je traduis du Russe en François mais n'ayant pas de dictionnaire j'ai de la peine à le faire, c'est-à-dire de traduire du Russe en François » («Я забыл написать вам о том, что мне совершенно необходимо. Это русско-французский словарь. Я не могу переводить с французского на русский, мне недостаточно знакомы идиомы этого языка, поэтому перевожу с русского на французский, но без словаря это делать трудно, то есть переводить с русского на французский») (письмо Б. В. Голицына к Н. П. Голицыной, б. д. [НИОР РГБ, ф. 64, к. 94, ед. хран. 29, л. 15]).

время для изучения родного языка²³. Однако на деле получилось так, что сразу по возвращении молодые Голицыны поступили на действительную военную службу, и в источниках нет свидетельств того, что они брали уроки русского языка.

В связи с этим нужно сказать, что Наталья Петровна, будучи дочерью российского дипломата графа Петра Чернышева, провела детство за границей²⁴, и – как она сама признавалась – после возвращения в Россию ей не хватало знаний родного языка, так что муж поначалу даже поправлял ее ошибки [РГИА, ф. 1117, оп. 1, д. 105]²⁵. Кажется, что в то время для нее и для ее детей незнание русского языка в совершенстве было не особенно важно и не могло помешать ни ее признанию в обществе, ни карьере ее детей.

Сестра Натальи Петровны Дарья и ее муж граф Иван Петрович Салтыков придавали владению родным русским языком большее значение. Их дети должны были писать родителям прежде всего на русском и французском, а поздравления – также на немецком, английском и иногда на итальянском языках [РГАДА, ф. 1386, оп. 2, д. 4, 5, 20, 23, 71, 79, 80]. Однако случилось так, что французский взял верх. Дочь Екатерина сообщала, что ей трудно писать по-русски. И спустя некоторое время и в семье Салтыковых единственным языком переписки стал французский язык.

На примере семьи Голицыных можно проследить, как менялись уровень знания и сфера использования языка: в то время как Наталья Петровна Голицына писала на французском языке с ошибками²⁶, а ее муж общался со своими братьями по-русски [НИОР РГБ, ф. 64, к. 93, ед. хран. 40, 38; к. 94, ед. хран. 15, 16], их дети уже прекрасно владели французским языком, причем в гораздо лучшей степени, чем родным

²³ «...Ici nous n'avons qu'un seul prêtre russe encore est-il Ukrainien avec une prononciation vicieuse et n'ayant aucune connoissance quelconque exepté ce qui regarde la religion, apres cela on ne peut pretendre que la connoissance de cette langue soit celle qui soit la mieux sue. Ils retournerons asses jeunes dans leur patrie pour avoir tout le tems de s'appliquer et ce fortifier » («Здесь у нас только один русский священник, к тому же он украинец с дурным произношением и не имеет знаний ни о чем, кроме религии. Посему нельзя требовать, чтобы знание сего языка соответствовало тому уровню, на котором его нужно знать. Они вернутся на родину достаточно молодыми, чтобы иметь время для прилежного его изучения и укрепления») (письмо Н. П. Голицыной к А. М. Голицыну, 15/28 февраля 1787 г. [РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 7288, л. 1–2]).

²⁴ Княгиня Наталья Петровна Голицына родилась в Берлине и провела детство в Англии. В 1760–1763 гг. жила в Париже, где ее отец был послом России [Гречаная, с. 149].

²⁵ «...Si on avois toujours des maitres aussi atantif comme est mon mari qui ne me passe pas une seule faute dans la langue russe san me reprendre. Il m'ennui quelque fois par sa trop grande atanssion et dans le fond cela me fait plaisir qu'on me dit que je m'exprime avec beaucoup plus de facilité et de justesse qu'au paravan » («...Если бы все учителя были столь же внимательны, как мой муж, каковой не пропустит ни одной моей ошибки в русском языке без того, чтобы не исправить оную. Иногда он докучает мне своей излишней внимательностью, но я испытываю удовольствие, когда он говорит, что я изъясняюсь уже с куда большей легкостью и точностью, чем ранее») (письмо Н. П. Голицыной к Д. П. Салтыковой, 21 февраля 1768 г.).

²⁶ Она пишет по-французски разборчиво, но фонетически [Гречаная, с. 151–152; Gretchanaia, Viollet, p. 79].

русским. А их собственные дети уже использовали оба языка в совершенстве. И эта традиция перешла в следующее поколение.

Заключение

Мы видим, что, с одной стороны, на протяжении рассматриваемого периода для Голицыных менялись представления о характере образования и практике его получения: сыновья Н. П. и В. Б. Голицыных Борис и Дмитрий совершают *Grand Tour* по Западной Европе (Страсбург, 1782–1785; Париж, 1785–1790; Англия, 1790; Германия и Италия, 1790–1791), дети С. В. и П. А. Строгановых, а также Е. В. и Ст. Ст. Апраксиных, то есть следующее поколение, получают домашнее образование в России (1806–1811)²⁷, а их сыновья уже учатся в Московском университете (1830–1840)²⁸.

Многие из перемен, коснувшихся образования, можно объяснить общими переменами в эту эпоху. Некоторые отмеченные феномены, такие как предпочтение домашнего образования, а также изменения в отношении к языкам (например, обращение детей и внуков княгини к русскому языку), кажется, характеризуют типичные изменения во взглядах на образование высшего русского дворянства.

Большую роль в вопросах образования играла и сама личность Натальи Петровны, видевшей воспитание детей и внуков своей главной задачей, которой она посвящала чрезвычайно много времени и энергии. Подобная решающая позиция матери в вопросах образования своего потомства в указанную эпоху в России была скорее исключением, так как обычно образованием, особенно сыновей, в гораздо большей степени были обеспокоены отцы семейств. И обучению русскому языку во многих дворянских семьях уделялось больше внимания, чем в доме Натальи Петровны.

Как мы можем объяснить это отклонение от нормы? Скорее всего, это было обусловлено как субъективным фактором, так и общими тенденциями. Субъективный фактор связан с особой ролью и характером Натальи Петровны и ее мужа, человека менее решительного, болезненного и, как кажется, зависимого от мнения жены. В том, как происходило обучение русскому языку, видно решающее влияние княгини, которая сама провела детство за границей, а вернувшись в Россию, обнаружила, что ее незнание русского языка ни в чем ей не мешает. Однако следует помнить и об общих тенденциях, влияние которых она испытывала и не была в этом исключением. В понимании княгини высшая культура, которой она восхищалась, была связана с Западом. Сама она узнала ее в детстве в разных европейских столицах. В России императорский двор тоже стремился к западной культуре, которая в эту эпоху в большей степени связывалась с француз-

²⁷ Владимир С. Апраксин.

²⁸ Дмитрий Д. Голицын и Виктор В. Апраксин.

ской культурой, и не только в России [Offord]. Знание русского языка не казалось необходимым. Это отношение к русскому языку с течением времени менялось как в ее сознании, так и в представлениях большинства русского дворянства. И изменения эти были обусловлены общими тенденциями: с одной стороны, большая часть русского дворянства негативно воспринимала потрясение общественного порядка, произошедшее во время Французской революции, а с другой – Россия интенсивно модернизировалась и возрастал интерес к собственной культуре. Наталья Петровна тоже была человеком своего времени, разделявшим его предрассудки и устремления. Через тридцать лет после путешествия сыновей в Европу она уже считала, что ее внуку Владимиру Апраксину опасно ездить для образования на Запад, теперь и для нее было важно, чтобы он изучал русский язык, которым впоследствии он прекрасно владел. Показательно, что зимой 1811 г. Наталья Петровна даже посетила одно из чтений Беседы любителей русского слова, где Александр Шишков прочитал свое «Рассуждение о любви к Отечеству» [Шишков, с. 3–54]²⁹. Произведение княгине очень понравилось, так что она сочла полезным, чтобы «наши молодые изящные господа и дамы» раз или два в неделю посещали эти чтения. По мнению Н. П. Голицыной, таким образом можно было бы укрепить их привязанность к отечеству³⁰.

Список литературы

Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. У источников русского славянофильства. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 444 с.

Аурова Н. Н. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М. : Новый хронограф, 2010. 463 с.

Берелович В. Гувернеры в семье Голицыных. 1760–1780 годы // Французский ежегодник 2011 : Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. / под ред. А. Чудинова и В. Ржеуцкого. М. : ИВИ РАН, 2011. С. 190–199.

Берелович В. Образовательные стратегии русских аристократов и воспитание сирот Голицыных (1782–1792) // Европейское просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 318–330.

Голицына Н. П. Моя судьба – это я / сост. Т. П. Петерс. М. : Русский Мир, 2010. 463 с.

Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски : Русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). М. : ИМЛИ РАН, 2010. 382 с.

НИОР РГБ – Научный исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 19; Ф. 64.

Петерс Т. П. К вопросу о профессиональном образовании сыновей княгини Натальи Петровны Голицыной // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы : Материалы XVI Го-

²⁹ Опубликованные произведения упомянутого заседания Беседы любителей русского слова приводит Марк Альтшуллер [Альтшуллер, с. 407].

³⁰ « Cette ouvrage selon moi et si beau que j'aurais voulu qu'on oblige nos jeunes elegans et elegante d'assister une ou deux fois par semaine à cette lecture qui pouvait leurs servir de leçon et faire quelque effet sur eux en leur donnant de l'attachement à leurs pais » («Сие сочинение кажется мне столь прекрасным, что я бы желала, дабы мы обязали наших молодых порядочных мужчин и женщин посещать один или два раза в неделю эти чтения. Это может послужить им уроком и произвести определенное влияние, зародив привязанность к своей стране») [РГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 359, л. 116–118].

лицыньских чтений, 24–25 янв. 2009 г. ; Материалы XVII Голицынских чтений, 23–24 янв. 2010 г. / ред. А. М. Рязанов. М., 2011. С. 427–435.

Ржеуский В. С., Чудинов А. В. Русские «участники» Французской революции // Французский ежегодник 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохи Наполеона. М. : ИВИ РАН, 2010. С. 6–236.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1263; Ф. 1278; Ф. 1386.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 1092; Ф. 1117.

Шереметев П. С. Вязёмы. Петроград : Товарищество Голике и Вильборг, 1916. 264 с.

Шишков А. Рассуждение о любви к Отечеству // Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 5. СПб. : В Медицинской Типографии, 1812. С. 3–54.

Baudin R. Nikolai Karamzine à Strasbourg : Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg : Presses universitaires de Strasbourg, 2011. 321 p.

Berelowitch W. La France dans le « grand tour » des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. No. 34. P. 193–209.

Berelowitch W. Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe: le cas des Golitsyne // Dix-huitième siècle. 2005. No. 37. P. 179–194.

Black J. Educating Women in Eighteenth-Century Russia // Black, J. Citizens for the Fatherland. Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. New York : Columbia University Press, 1979. P. 152–171.

Gretchanaia E. « Je vous parlerai la langue de l'Europe... » : La francophonie en Russie (XVIIIe–XIXe siècles). Bruxelles : P. I. E. Peter Lang, 2012. 411 p.

Gretchanaia E., Viollet C. Si tu lis jamais ce journal... : Diaristes russes francophones, 1780–1854. Paris : CNRS Éditions, 2008. 345 p.

Offord D. Francophonie in Imperial Russia // European Francophonie : The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language / ed. V. Rjéoutski, G. Argent, D. Offord. Oxford : Peter Lang, 2014. P. 371–404.

Pfeuß H. Vorläufer der Intelligencija?! Bildungskonzepte und adliges Verhalten in der russischen Literatur und Kultur der Aufklärung. Berlin : Frank & Timme, 2013. 427 p.

Pushkareva N. Russian Noblewomen's Education in the Home as Revealed in Late 18th- and Early 19th-Century Memoirs // Women and Gender in Eighteenth-Century Russia / ed. by W. Rosslyn. Ashgate : Aldershot, 2003.

Rjéoutski V. L'éducation d'une jeune fille noble d'après la correspondance d'une gouvernante suisse, Cécile Olivier // Quand le français gouvernait la Russie. L'éducation de la noblesse russe, deuxième moitié du XVIIIe – première moitié du XIXe siècle / textes et études réunies et présentées par Vladislav Rjéoutski. L'Harmattan, 2015 [sous presse].

Rjéoutski V. Le français et d'autres langues dans l'éducation en Russie au XVIIIe siècle [Electronic resource] // Вивлюшка : E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2013a. No. 1. P. 20–47. URL: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14789/6237> (accessed: 30.03.2015).

Rjéoutski V. Le précepteur francophone en Russie au XVIIIe siècle // Le précepteur francophone en Europe (XVIIe–XIXe siècles) / sous la direction de Vladislav Rjéoutski et Alexandre Tchoudinov. Paris : L'Harmattan 2013b. P. 117–138.

Stremoukhoff D. Les Russes à Strasbourg au XVIIIe siècle // Revue d'Alsace. 1934. No. 81. P. 3–21.

Vöss J. Les étudiants de l'Empire russe à l'université de Strasbourg au XVIIIe siècle // Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert / Hrsg. C. Grau, S. Kapr, J. Vöss. Wiesbaden, 1997. P. 351–371.

Witte G. Ekaterina Daškovas Memoiren als Bildungsutopie // Russische Aufklärungsrezption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825) / Hrsg. G. Lehmann-Carli, M. Schippan, B. Scholz, S. Brohm. Berlin : Berlin-Verl. Spitz, 2001. P. 345–363.

References

Al'tshuller, M. (2007). *Beseda lyubitelej russkogo slova. U istochnikov russkogo slavyanofil'stva* [A Conversation of Amateurs of the Russian Word. At the Roots of Russian Slavophilism]. 444 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

- Aurova, N. N. (2010). *Ot kadeta do generala. Povsednevnyaya zhizn' russkogo oficera v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka* [From Cadet to General. Everyday life of a Russian General in the Late 18th – 1st Half of the 19th Century]. 463 p. Moscow, Novy'j hronograf.
- Baudin, R. (2011). *Nikolaï Karamzine à Strasbourg : Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789)*. 321 p. Strasbourg, Presses universitaires de Strasbourg.
- Berelovich, V. (2004). Obrazovatel'ny'e strategii russkikh aristokratov i vospitanie sirot Golitsyn'ny'h (1782–1792) [Educational Strategies of Russian Aristocracy and the Upbringing of Orphans Golitsyn (1782–1792)]. In *Evropejskoe prosveshhenie i civilizaciya Rossii* (pp. 318–330). Moscow.
- Berelovich, V. (2011). Guvernery' v sem'e Golitsyn'ny'h. 1760–1780 gody' [Tutors in the Golitsyn Family. 1760–1780]. In Chudinova, A. & Rzhuczkij, V. (Eds.). *Francuzskij ezhegodnik 2011: Frankoyazy'chny'e guvernery' v Evrope XVII–XIX vv.* (pp. 190–199). Moscow, IVI RAN.
- Berelowitch, W. (1993). La France dans le « grand tour » des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle, *Cahiers du monde russe et soviétique*, 34, pp. 193–209.
- Berelowitch, W. (2005). Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe: le cas des Golitsyne, *Dix-huitième siècle*, 37, pp. 179–194.
- Black, J. (1979). Educating Women in Eighteenth-Century Russia. In Black, J. *Citizens for the Fatherland. Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia* (pp. 152–171). New York, Columbia University Press.
- Golitsyn'na, N. P. (2010). *Moya sud'ba – e'to ya* [My Destiny is Me]. 463 p. Moscow, Russkij Mir.
- Grechanaya, E. P. (2010). *Kogda Rossiya govorila po-francuzski: Russkaya literatura na francuzskom yazy'ke (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [When Russia Spoke French: Russian Literature in French (18th – 1st Half of the 19th Century)]. 382 p. Moscow, IMLI RAN.
- Gretchanaia, E. & Viollet, C. (2008). *Si tu lis jamais ce journal... Diaristes russes francophones, 1780–1854*. 345 p. Paris, CNRS Éditions.
- Gretchanaia, E. (2012). « Je vous parlerai la langue de l'Europe... ». *La francophonie en Russie (XVIIIe–XIXe siècles)*. 411 p. Bruxelles, P. I. E. Peter Lang.
- Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki* [Research Department of Manuscripts, Russian State Library]. F. 19; F. 64.
- Offord, D. (2014). Francophonie in Imperial Russia. In Rjéoutski, V., Argent G. & Offord, D. (Eds.). *European Francophonie: The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language* (pp. 371–404). Oxford, Peter Lang.
- Peters, T. P. (2011). K voprosu o professional'nom obrazovanii syn'novej knyagini Natal'i Petrovny' Golitsyn'noj [On the Issue of Professional Education of Natalia Petrovna Golitsyna's Sons]. In Ryazanov, A. M. (Ed.). *Hozyaeva i gosti usad'by' Vyazyomy': Materialy' XVI Golitsyn'skikh chtenij, 24–25 yanvarya 2009 g.; Materialy' XVII Golitsyn'skikh chtenij, 23–24 yanvarya 2010 g.* (pp. 427–435). Moscow.
- Preuß, H. (2013). *Vorläufer der Intelligencija?! Bildungskonzepte und adliges Verhalten in der russischen Literatur und Kultur der Aufklärung*. 427 p. Berlin, Frank & Timme.
- Pushkareva, N. (2003). Russian Noblewomen's Education in the Home as Revealed in Late 18th- and Early 19th-Century Memoirs. In Rosslyn W. (Ed.). *Women and Gender in Eighteenth-Century Russia*. Ashgate, Aldershot.
- Rjéoutski, V. (2013a). Le français et d'autres langues dans l'éducation en Russie au XVIIIe siècle, *Вуэлиотика : E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, 1, pp. 20–47. Available at: <http://vivliofika.library.duke.edu/article/view/14789/6237> (accessed: 30.03.2015).
- Rjéoutski, V. (2013b). Le précepteur francophone en Russie au XVIIIe siècle. In Rjéoutski, V. & Tchoudinov A. (Eds.) *Le précepteur francophone en Europe (XVIIe–XIXe siècles)* (pp. 117–138). Paris, L'Harmattan.
- Rjéoutski, V. (2015, sous presse). L'éducation d'une jeune fille noble d'après la correspondance d'une gouvernante suisse, Cécile Olivier. In Rjéoutski, V. (Comp., Ed.). *Quand le français gouvernait la Russie. L'éducation de la noblesse russe, deuxième moitié du XVIIIe – première moitié du XIXe siècle*. Paris, L'Harmattan.
- Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 1263; F. 1278; F. 1386.
- Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1092; F. 1117.

Rzheuczkij, V. S. & Chudinov, A. V. (2010). Russkie «uchastniki» Franczuzskoj revolyucii [Russian Participants of the French Revolution]. In *Franczuzskij ezhegodnik 2010: Istochniki po istorii Franczuzskoj revolyucii XVIII v. i e'pohi Napoleona* (pp. 6–236). Moscow, IVI RAN.

Sheremetev, P. S. (1916). *Vyazyomy'* [Vyazyomy]. 264 p. Petrograd, Tovarishestvo Golike i Vil'borg.

Shishkov, A. (1812). Rassuzhdenie o lyubvi k Otechestvu [A Reflection on the Love for Motherland]. In *Chtenie v Besede lyubitelej russkogo slova* (Bk. 5, pp. 3–54). Saint Petersburg, V Medicinskoj Tipografii.

Stremoukhoff, D. (1934). Les Russes à Strasbourg au XVIIIe siècle, *Revue d'Alsace*, 81, pp. 3–21.

Vöss, J. (1997). Les étudiants de l'Empire russe à l'université de Strasbourg au XVIIIe siècle. In Grau, C., Kapr, S. & Vöss, J. (Eds.). *Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert* (pp. 351–371). Wiesbaden.

Witte, G. (2001). Ekaterina Daškovas Memoiren als Bildungsutopie. In Lehmann-Carli, G., Schippan, M., Scholz, B. & Brohm, S. (Eds.). *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)* (pp. 345–363). Berlin, Berlin-Verl. Spitz.

The article was submitted on 26.03.2015

Стефан Лер, доктор,
научный сотрудник,
Вестфальский университет
имени Вильгельма,
Мюнстер, Германия
stlehr@uni-muenster.de

Stefan Lehr, Dr.,
Research Assistant,
University of Münster,
Münster, Germany
stlehr@uni-muenster.de